

Кроме того, проблема полифункциональности второго компонента отражается и на отборе ВПК, а также лексических единиц с ними. Так, например, с компонентом *-reif* образовано 72 конструкта, среди которых имеют место как конструкты с ВПК (*kinoreif* ‘готовый к съемкам фильма/в фильме’, *urlaubsreif* ‘испытывающий потребность в отпуске’, *produktionsreif* ‘готовый к серийному производству’ и т.д.), так и сложные слова со вторым компонентом (*erntereif* ‘созревший, готовый к уборке урожая’, *pflückreif* ‘готовые к сбору (плоды, цветы и т.д.)’, букв.: готовый к тому, чтобы быть сорванным, собранным’ и т.д.). Второй компонент имен существительных *-fluss* в таких словах, как *Stadtfluss* ‘городская река’, *Alpenfluss* ‘река в Альпах’, *Amurfluss* ‘река Амур’ сохраняет полностью основное значение лексемы *Fluss* ‘река’, но иногда претерпевает метафорическое переосмысление, например: *Geldfluss* ‘денежный поток’, *Nachrichtenfluss* ‘информационный поток’ и т.п. Таким образом, разграничение сложных слов, слов со вторым частотным/нечастотным компонентом, слов с полусуффиксом, а также единиц с ВПК на этапе отбора является затруднительным. Выявление полифункциональности второго компонента становится возможным в ходе компонентного анализа конструктов с ним.

Таким образом, полифункциональность компонента сказывается, во-первых, на выявлении вторых компонентов с переходным статусом, во-вторых, на обозначении их, в-третьих, на их количественном отборе и отборе конструктов с ними. При этом примеры вторых компонентов с разным статусом являются доказательством динамических процессов, происходящих в словообразовательной системе немецкого языка.

М. И. Святощик

ПЕРЕВОД МНОГООБЪЕКТНОЙ СЕМАНТИКИ В ОДНООБЪЕКТНУЮ КАК СПОСОБ МИНИМИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ ВЫЧИСЛЕНИЙ

Сегодня общение, обмен информацией, восприятие людьми друг друга – это действительно роскошь. В суете различных жизненных ситуаций мы часто стремимся по своим делам, к своим целям, забывая о самом простом – общении с друзьями, близкими. Коммуникация двух и более говорящих – это не что иное, как кодирование и декодирование информации. Говорящий всегда пытается донести все свои мысли как можно коротко и ясно, экономя при этом время и энергию, чего не приемлет слушающий, который, в свою очередь, хочет слышать максимально развернутую информацию, совсем не учитывая при этом отрезок времени.

Минимизируя всевозможное количество слов при общении, говорящий производит свертку макропроцессов, семантических элементов, под чем мы и понимаем термин минимизация в комбинаторной семантике.

Мы предлагаем рассмотрение перевода многообъектной семантики в однообъектную как один из способов минимизации семантических вычислений. Семантика, как голова Медузы, всегда в центре языка, околдовывая тех, кто ее созерцает.

А. Н. Гордей физические и информационные процессы разграничивает, поскольку на предельно абстрактном семантическом уровне физический процесс рассматривался как воздействие одного индивида на другой посредством своей оболочки, а информационный – посредством своей среды.

Действительно, для передачи информации необходим материальный носитель, который оказывает на объект физическое воздействие, а по изменениям, которые происходят в предметах после их физического взаимодействия, можно судить о характере самого взаимодействия. Например, в процессе обучения (информационного процесса) преподаватель или лектор использует голосовые связки, напрягая их, он увеличивает амплитуду звуковых волн (материального носителя) и может оглушить учеников, т.е. оказать на них физическое воздействие.

В физическом мире могут проходить всевозможные изменения и действия. Для того, чтобы передать все эти изменения и действия, В. В. Мартынов классифицирует глаголы («акции»). Он утверждал, что нет других акций, кроме внешнего движения («воздействует», «трогает» и т.д.), внутреннего движения («колеблется», «прорывается» и т.д.), создания, сохранения, уничтожения, противодействия. Все это многообразие описывается трехчленной структурой САО – субъект, акция, объект.

А если рассмотреть предложение *дедушка идет*, сразу же возникает вопрос о том, где же тут трехчленность. Она легко воспроизводится: *Дедушка (С) совмещает (А) себя с самим собой (О) в пространстве.*

Семантические единицы, являющиеся языковым соответствием участников ситуации, называются семантическими ролями.

Рассмотрим свертку физических макропроцессов на следующем примере.

1. *Мама (Субъект) набирает (Акция) дочери (Ориентир)*
(набирать – процесс физический, в значении «звонить»).

В любом процессе есть физическая и информационная составляющая.

В данном случае наблюдатель делает акцент на физической составляющей.

При помощи рекурсивной реконструкции мы можем восстановить или сжать цепь макропроцессов. При этом необходимо соблюдать 3 правила реконструкции: 1) простота; 2) минимальность; 3) наглядность.

При восстановлении полной цепи макропроцессов получаем следующее.

1. Мама фиксирует устройство (*телефон – инструмент*).
2. Нажимает (затрагивает) при помощи пальцев *кнопки (Объект)*.
3. Кнопки вызывают запрос.
4. Набирается соответствующий номер.
5. Инициация сигнала.
6. Поступает соединение.
7. Распознавание абонента.
8. Инициация информационного запроса.

В данном примере наблюдаются физические макропроцессы: *сообщение* – запуск первичного сигнала, *прижатие* – нажатие на кнопки.

Исходя из данной цепи, четко прослеживается векторный (однозначный) переход между макропроцессами, когда один процесс становится условием протекания второго.

«Множество примитивов должно не постулироваться, а рекурсивно исчисляться, для чего примитивы должны быть распределены в семантическом поле по степени близости», неоднократно подчеркивал В. В. Мартынов.

Данные макропроцессы, являясь разными объектами, также могут преобразоваться, исходя из таблицы семантических элементов, в категорию одного семантически сходного макропроцесса, что доказывает возможность перевода многообъектной семантики в однообъектную. Это поможет открыть новые перспективы для семантических вычислений, а также избежать чрезмерного усложнения в формализованном описании события.

Р. В. Соловьёва

ИНГЕРЕНТНАЯ И АДГЕРЕНТНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Энантисемия – явление специфичное и уникальное, хотя базируется на привычной для осознания категории противоположности, которая исследована и исследуется в наши дни как в рамках философии и логики, так и в рамках лингвистики в качестве основы антонимии. Энантисемия является по сути «противоположностью внутри себя» и зиждется на способности слова (морфемы и т.д.) выражать антонимические значения, что позволяет рассматривать энантисемию как частный случай синкретизма в языке. Соответственно, языковая или внутрисловная энантисемия представляет собой единицу, заключающую в своей семантике «противосмысл» (*Gegensinn*). Например, *nesteln* – «1. связывать, завязывать (шнурком); шнуровать, зашнуровывать; 2. развязывать, расшнуровывать».

Возникновение энантисемичной семантики в пределах одной лексической единицы зависит от наличия в ней определенной предпосылки для реализации противоположного смысла. Глагол *nesteln* является, с одной стороны, многозначным: *nesteln* – а) *mit den Fingern an etwas zu schaffen machen*; б) *nestelnd von einer Stelle entfernen*. С другой стороны, имеет в своей семантике ингерентный смысл «*zu schaffen machen*», т.е. *Schwierigkeiten, große Mühe machen/haben*. Оба показателя являются одним из условий возникновения энантисемии. В данном случае словосочетание «доставлять трудности» релевантно как для «завязывания», так и для «развязывания» шнурков. Глаголы *borgen* и *leihen*, являясь синонимичными и имеющими энантисемичную семантику, выказывают также смысловые предпосылки разновекторной направленности, как бы «улицу с двусторонним движением», имеющие, однако, ингерентный объединяющий элемент (*gegen das Versprechen*